

SASHA  
HAN

# СТЕРВА

СОДЕРЖИТ  
НЕЦЕНЗУРНУЮ  
БРАНЬ

18+

# Sasha Han

# Стерва

*<https://litres.ru/74357108>*

*SelfPub; 2026*

## Аннотация

Она настоящая стерва! Саша, Сашка, Александра - для всех она разная и никто не знает ее истинное лицо.

Она использует экстремальные методы в достижении своих целей.

Она не знает слова "мораль" и "неприлично".

Чтобы избавить подругу от наглого мажора, который ею пользуется, она соблазняет красавчика и высылает это видео подруге утром.

Но это возможно самое невинное из ее повседневной жизни ...

# Содержание

|                                   |    |
|-----------------------------------|----|
| Глава                             | 4  |
| Глава 1                           | 5  |
| Глава 2.                          | 11 |
| Глава 3.                          | 17 |
| Глава 4.                          | 23 |
| Глава 5.                          | 29 |
| Глава 6.                          | 35 |
| Глава 7.                          | 41 |
| Глава 8.                          | 47 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 51 |

# **Sasha Han**

# **Стерва**

## **Глава**

Стерва

# Глава 1

Я плавно раскачивалась на этом красавчике — ритмично, почти лениво, как будто у меня вся жизнь впереди. Сверху — самый выгодный ракурс, это я знаю точно. Камера заряжена, угол выставлен. Подружке вышлю не всё — всё-таки не хочу шокировать её до полной потери пульса.

Телефон стоит на полке между книгами, привалившись к корешку тома, который я так и не открыла. Красный огонёк горит ровно, не мигая. Свет я оставила один — ночник у изголовья, тёплый, желтоватый. Он лепит тени где надо и прощает всё, чего не надо. Профессиональная привычка, что уж там.

За окном четвёртый час, город гудит на низкой ноте, как трансформатор. Кондиционер тянет своё «шшш». Простыня подо мной давно сбилась в жгут.

А я, между прочим, думаю о том, что утром надо заехать на мойку.

Хотя, если честно, пора уже. Надо ей заканчивать с этим козлом. Дурит мозги, полощет нервы. Сука! Вот ей и повод — живой, цветной, в хорошем разрешении.

Три месяца, товарищи. Три месяца она сидела у меня на кухне и объясняла мне — мне! — что он «просто очень занят». Я слушала и кивала. Слушать и кивать я умею профессионально, это половина моего хлеба.

Думаете, обидится? Ну вначале — конечно обидится. Ну и ничего, остынет. Его всё равно надо уже отправлять далеко и надолго.

Сука — правда красивый. И прекрасно это знает. Улыбнётся — и думает, что все уже намокли и всё ему сделали. Нет, мальчик. Если собрался в большой бизнес — там так дела не делаются. Это только лохушки на таких смазливых ведутся.

Ресницы у него длиннее моих. Скулы, ямочка, кожа гладкая — он к косметологу ходит чаще Танюши. И пахнет хорошо, дорого. Только парфюм не свой: такой выбирает или мама, или предыдущая девушка. Своего у мальчика вообще пока ничего нет. Даже запаха.

Ох, я его прокачу. По всем статьям, везде и сразу. Это ж надо — так нервы вытрепать моей Танечке! Такого я не прощаю.

Слезаю наконец — ну как обычно, грациозненько, с достоинством. У меня даже в таких мизансценах спина прямая. Паркет холодный, скрипнул под пяткой. Мимоходом разворачиваю телефон экраном вниз — будто просто поправила полку.

Если бы не Таня — даже пары часов бы на него не потратила.

У меня, пардон, в списочке фигуры другого порядка. Поинтереснее и посложнее. Всегда интереснее опрокинуть не просто мажорчика, а что-то посерьёзней.

Люди, у которых в коридоре сидит охрана, а подпись стоит дороже, чем весь этот мальчик со всеми его часами.

Ну и один из моих любимых манёвров — после его восхищений мной великолепной.

Ах, ну — я так и не кончила.

Смотрю, как это до него доходит. Секунда. Две. Уголок рта ещё держит улыбку, а глаза уже поплыли. Красота.

Ну то есть — он и не так уж хорош. Физиономия его старается быть улыбочивой, но всё равно кривится — не очень-то приятно слышать про себя такое. Ну я же не в претензии. Так, просто сказала. Между делом.

Немножко ущипнула его за слегка — честно, реально слегка — округлившийся бочок. Ой, вот смешно же! Жирочек! Если бы мне не надо было по нему пройтись, вообще бы внимания не обратила — выглядит он классно. Но хоть что-то же я должна найти не так!

Он тут же втянул живот. Автоматически, не думая. Вот на этом рефлексе, товарищи, держится половина мировой космологии.

По его опечаленному виду прям чуть ли не жалко стало — но как вспомню, как Таня его сука звоночков ждала... В асфальт вкатаю.

Она ведь клала телефон экраном вверх. Рядом с тарелкой, рядом с чашкой, рядом с подушкой. Чтобы сразу увидеть. Я на это смотрела месяца два.

Они познакомились, как это обычно и бывает — в Униве-

ре. Таня — моя подружка, милая девочка, цветочек, не для него растили. Говорила я ей! Да кто же слушает, когда такое чудо подкатывает с фирменной улыбочкой!

Таня из тех, кто на перемене подкармливает дворовых собак и извиняется перед дверью, если задела её плечом. Она верит людям авансом. Просто так, по факту наличия у них лица.

Ну, как вы поняли — стерва я конченная и опытная. Но приятно бывает пообщаться с человеком, который даже не представляет, как оно всё на самом деле в жизни происходит.

Пошло и ещё раз пошло. Иногда не сильно. Иногда даже интересно!

Я даже не знаю, кого он не трахнул. Но Таня — просто как котёнок, подслеповатая. Врёт ей, конечно. Только непонятно зачем. Хотя, может, и правда приятно иметь рядом такую девушку, как Таня — приличную. С родителями познакомиться можно.

Такую показывают маме, а трахаются — со всеми остальными.

Блять, а может правда... Может, он как раз думает, что с такой Танечкой можно и... Да нет, не собирается он жениться. Ни на Тане, ни на ком. Объективно рано.

Короче, он меня уже утомил. Говорю — мол, есть дела, куда-то надо. Прогнала какую-то пургу. Ну, в общем — на выход. Обломала по всем статьям. Хотя почему по всем? Сексом-то он наслаждался.

Одевался долго. Искал носок, нашёл под кроватью, потом ещё что-то спрашивал — увидимся ли, и когда, и «а ты вообще как». Я улыбалась в сторону окна и говорила «созво-нимся».

Дверь. Замок. Тишина.

И вот тут я, товарищи, открыла окно на всю и перестелила постель. В четыре утра. Не потому что брезгую — хотя брезгую, — а потому что не могу лечь в чужой запах.

Ну просто люблю я это дело. Такой вот бескорыстной любовью. Поэтому и второй половинке в этом смысле кое-что достаётся. А бывает — и не половинке. Ну, об этом пока умолчим.

Утречком, чтобы не будить, высылаю подружке отредактированную часть записи.

Монтировала минут сорок, между прочим. Себя убрала почти всю — мне светиться незачем. Оставила его физиономию, его голос и его фирменную улыбочку ровно в тот момент, когда... ну, вы поняли.

Палец над кнопкой «отправить» повисел, честно скажу, дольше, чем нужно.

О бля. Только не «как ты могла». Понятно — надо ехать. Суббота. Блять — испорченная суббота. Хотя к вечеру, может, и наладится.

За окном белое небо и тот мелкий дождь, который не мочит, а просто висит в воздухе. Дворники на первой скорости. Полгорода спит, вторая половина уже стоит в пробке.

Звоню в домофон — сначала тишина, потом всё-таки открывает. Вино я не взяла — рано. Утро же.

Дом у неё старый, кирпичный, с широкими подъездами и вечным запахом мастики и чужого супа. Лифт с деревянными панелями, исписанными ещё до моего рождения.

Заплаканная стоит в дверях. Квартира пахнет сном и закрытыми окнами — Таня явно давно не выходила.

## Глава 2.

В раковине посуда за два дня. Шторы задёрнуты. Плед на диване свёрнут гнездом — она в нём и спала, я эту конструкцию знаю. И телефон, конечно, на подлокотнике. Экраном вверх.

— Танюш, ну ты не думала, что вам уже пора расстаться? — спрашиваю прямо с порога. Она всё-таки пускает меня. Живёт одна — в бабушкиной. Бабушка с мамой и папой.

Как-то вяло и понуро плетётся за мной:

— Ну что, он тебе так нравится? — подружка знает, что я обычно беру всё, что нравится, не глядя.

— Блин, Таня! Да кто нравится? Я тебе глаза открываю и реальные доказательства его козливости предоставляю! Вот он тебе что сказал?

— Ну что отец приехал, мол дома, в семейном кругу, — тихо говорит Таня и плюхается на свой удобенький диван в большой комнате. Кстати, очень светлая у неё квартирка — столько солнца, что даже настроение немного поднимается. На подоконниках горшки с зеленью, шторы почти прозрачные. Всё такое домашнее, тёплое — и оттого особенно жалко смотреть, как она сидит там, скукожившись.

Она вообще стала меньше. Вот честно. За эти месяцы физически уменьшилась — плечи внутрь, голова в плечи, руки в рукава. Как будто занимает всё меньше места, чтобы нико-

го не обременять.

— Подруга, а кофе у нас закончилось? — намекаю, что неплохо бы и предложить. Наглая? Ну а что — сколько можно с ним время терять?

Наглость тут, между прочим, лечебная. Человека в таком состоянии надо заставить встать и что-то делать руками. Иначе он врастёт в диван и будет там жить.

— Может, сама сваришь? — она прямо совсем никакая.

— Ты с молоком? — уточняю, хотя знаю.

— Да, — вздыхает.

— Ну так пойдём на кухню! — предлагаю я. Чего я, потащу всё в большую комнату?

Она вяло встаёт и плетётся на свою же кухню. У неё классная кофеварка — ну я же и подарила. Часто у неё бываю.

Кухня маленькая, метров шесть, с окном во двор и с той самой клеёнкой в мелкий цветочек, которую я хотела выбросить ещё в прошлом году. Кофеварка зашипела, потянуло горячим молоком — и в комнате сразу стало жить можно. Запах кофе, товарищи, вообще великая вещь. Он возвращает людей.

— Ну то есть он тебе не нравится? — уточняет, ожидая свой латте.

— Танюш, я как бы не афиширую, но мне кажется, кое-кого из моего окружения ты видела, — намекаю, что это вообще не мой уровень.

Мальчик богатых родителей — а сам-то кто? Пока никто.

И вряд ли кем станет.

— А может, он просто соблазнился на тебя — ну ты же шикарная, — пытается придумать Таня какое-то оправдание этому мудачиле.

Вот это, кстати, самое обидное. Она даже сейчас, с опухшим лицом, ищет способ его оправдать. Не себя пожалеть — его оправдать.

— Пиздец, Тань, я что, зря с ним спала? — вот это номер. Я потом дезинфицировалась на всякий случай минут сорок. Хер знает кого он там трахает и в каком состоянии.

— Танюш, ну пожалуйста — пошли его. Ладно? — прошу уже я.

И тут вспоминаю Артёма. Блин, такой перспективный парень — Танечке он явно нравился. Но она же с этим мудаком начала встречаться.

— Танюш, Артём тебя уверенна ждёт не дождётся! — говорю уже прямо.

О... Блять. Разрыдалась. Ставлю чашечки на стол, обнимаю её — ну как же он к такому цветочку свои лапы протянул?

Она пахнет вчерашним днём и невымытой головой, и плечи у неё такие узкие, что мне на секунду делается по-настоящему нехорошо. Со мной такое бывает редко. Раз в год, может.

Я держу её и смотрю поверх её макушки в окно, во двор, где какой-то мужик выгуливает таксу. И думаю о том, что

Диме этому я устрою отдельную, персональную, очень скучную жизнь. Не сразу. Позже. Когда всё уляжется и он решит, что пронесло.

— Давай позавтракаем и поедem на шоппинг — настроение поднимать! — предлагаю я.

— Ну может он уже... раскаивается? — вот блин пипец, товарищи.

— А ты позвони и узнаешь, как он... раскаивается, — хотела сказать что-то тёплое, но передумала.

Она хватается за эту идею и начинает надрачивать телефон. С пятого раза собака поднимает.

— Тань, чё ты звонишь? Я сегодня с отцом, — нервно отвечает. Понятно почему нервно — прокатила я его мордой об асфальт.

У него на заднем плане звякнуло. Так звякает ложечка о блюдецe. В семейном кругу, ага. С отцом. В кофейне.

— А вчера? — несмело спрашивает.

— Ну я же тебе сказал — отец приехал с командировки, просил побыть дома! — опять нервно.

— Дим... ты меня обманываешь? — делает Таня шажочек в нужном направлении.

— Тань, я тебе всё сказал. Всё. Пока, мне идти надо! — и кидает трубку. Сука.

Гудки в тишине кухни. Она держит телефон у уха ещё секунды три. Вот эти три секунды — самое паршивое, что я в жизни видела.

Опять слёзы.

— Танюш, ну козлина он, ну всё — забудь и наплюй!

— Ну правильно, он же не может мне признаться, что с тобой был, — опять придумывает она оправдания.

— Да не во мне дело — он мог быть и с Глашей, и с Ньюшей. Это не важно!

— Ну как же не важно — как же тебе можно отказать? Он тоже не устоял!

— Да он трахает... — ну хотела сказать — всё, что шевелится, но, пожалуй, до такого он ещё не докатился.

— Блин, вот хочешь — позвоню ему через часик, и он окажется свободным! — пытаюсь убедить её.

— Ну так это же ты! — опять всхлипывает.

— Блять, Тань, вот Артём будет свободен только для тебя! — объясняю разницу.

— Короче, ты яичницу будешь? — уточняю. Не голодными же на шоппинг идти.

— Не знаю...

Кормлю её завтраком, сама чуть перекусываю — яичница шипит на сковородке, пахнет маслом и поджаренным хлебом, солнце наконец пробило белое небо и бьёт в кухонное окно — и тащу её на шоппинг. Она понимает, что одной совсем хреново, и едет.

Ест, кстати, всё. До последнего кусочка. Значит, жить будет.

На моей. Машине. Ауди ТТ.

Извините — не розовой и не красной. Тёмно-синяя, почти чёрная, а на солнце вдруг синяя до неприличия. Она у меня специально для выгула. Себя и вот допустим Танюши... На сегодня.

Танюша в ней всегда садится осторожно, будто в музее, и держит сумку на коленях. Я ей сто раз говорила — кинь назад. Не кидает.

Ну чтобы убедить её окончательно, что он точно козлина — звоню ему через три часа. Ненавязчиво. Мол, что делаешь? Он всполошился — хотел бы отыграться. Только хер на мне отыграется.

Предлагаю встретиться в World Class — поплаваем. У Тани глаза круглые-прекруглые.

— А пойдём вместе — вот сюрприз-то будет! — говорю я.

— У меня купальника нет! — сокрушается. World Class рядом, а её дом почти в часе езды.

— Танюш, твой купальник у меня в машине! — сообщаю ей то, о чём она, конечно, забыла. А я его ещё и постирала.

— Ой, он, наверное, уже испортился! — ну да, это было два месяца назад.

— По-твоему я с плесенью в машине езжу? Я его постирала и просушила, — обнаружила, что она забыла, когда уже приехала домой, ну и решила похранить на такой вот случай.

## Глава 3.

Нет, не козлов встречать. На случай, если после шоппинга придёт в голову зайти в бассейн.

Вот вам, кстати, вся я целиком. Человека в асфальт зака-  
таю и не поморщусь. А купальник постираю, высушу, сложу  
в пакетик и буду возить в багажнике два месяца. На всякий  
случай.

И вот мы такие красивые заруливаем — а он там уже рас-  
секает.

Бассейн в это время суток пустой и гулкий. Хлорка, эхо,  
синие блики по потолку, вода режется на дорожки жёлты-  
ми поплавками. Где-то в углу тётенька в шапочке медленно  
плывёт брассом, как будто у неё вечность в запасе.

Ну да, форму надо поддерживать. Плавать умеет, видно  
учился, гребёт правильно. Чуть не утонул, когда увидел нас  
вместе.

Вот прямо сбился с ритма, хлебнул и закашлялся. Мелочь,  
а приятно.

Сажусь на корточки у бортика и лёгким жестом подзываю  
его к себе, то есть к нам. Подплывает — а куда деваться?

— Привет... девчонки... надо же, я вот тут решил попла-  
вать... — это называется «в полутора часах от дома». Быст-  
ро, сука, ориентируется на местности.

— Дим, а может ты Тане что-то хочешь сказать? — вот

прямо в карьер беру.

— Танюш, привет! Вот видишь — всё равно увиделись! — и прямо, сука, улыбается. А Танюша моя уже и поплыла от этой улыбочки. Вот блять — плохая была идея.

У меня аж настроение упало.

Я стою у бортика и смотрю, как моя подруга улыбается в воду. И понимаю, что раунд я проиграла. Только не ему — ему я не проигрываю. Я проиграла вот этой её улыбке.

— Ладно, я отойду — я на тренажёры хотела, — вру безбожно. Обломать сейчас Таню, которая уже просто растеклась — невозможно.

Но я иду. Только не на тренажёры — в кафе.

Кафе тут при бассейне, со стеклянной стеной: сидишь и смотришь на воду, как в аквариум. Пахнет одновременно хлоркой, кофе и разогретой булкой. Работает кофемашина, два телевизора без звука, за окном белое небо.

А там... сидит кое-кто, кого я давненько не видела. Козлина тоже. Но сука такая богатая козлина.

— Какая встреча, какие люди! — улыбаюсь красиво, но делаю вид, что мы просто знакомы. Ну, по работе там. Козлина-то женатая. И пришёл с семьёй — жена с мальчиками плещется в бассейне, а он прохлаждается в кафешке. Примерный семьянин, что сказать.

Он понимает, что нас никто не видит, и когда я приземляюсь за его столик — прямо так нескромно кладёт ручку на мою. Кафе гудит белым шумом разговоров, где-то за спиной

смеются дети, из бассейна долетает плеск воды. Уютненько.

Рука тёплая, тяжёлая, с обручальным кольцом.

— Сашенька, я так соскучился, — и смотрит в глаза — доверчиво, как котик. И совсем не смущают его отпрыски, плещущиеся вот прямо поблизости.

— Да я уж думала, ты про меня забыл, — вру. Не думала я так.

Такие не забывают. Такие просто ждут окна в расписании.

— Как же про тебя можно забыть?! — и в глазки смотрит.

— Слушай, я тут с подружкой, она с парнем, я пока их оставила — у меня не так много времени, — честно сообщаю.

— Машина на парковке, — сообщает он мне локацию. Блять, он ебанулся? Я же всегда с парфюмом.

Стойкий, между прочим. Три часа держится на ткани и сутки на коже подголовника. Жена у него не дура — я её вижу вот сейчас через стекло: собранная тётка, с хорошей осанкой, ловит младшего за руку. Такая заметит.

— Не, подставишься по полной, — охлаждаю его.

— А я проветрю, — вот же неугомонный.

— Хорошо, я скажу, что мне надо срочно уехать, — опять начинает придумывать. А я представляю лицо его жены. Которой надо будет переться домой на такси с двумя мокрыми оболтусами. Да какого хрена?

— Нет, котёночек, остынь. Давай что-то поэкологичнее и не сейчас, — пытаюсь привести его в чувство.

— А я хочу сейчас! — настаивает. Подумаешь — хочет он там чего-то. Хотелку бы закатать.

Начинает копать в телефоне. Дзинь. О, мой счёт пополнился. Прямо не терпится.

А вот сейчас — ход конём:

— Котёночек, мы обязательно увидимся, но не сейчас — мне надо бежать, — видели бы товарищи его физиономию в этот момент.

Вот за это, кстати, они и возвращаются. Не за то, что дала. За то, что не дала.

Возвращаюсь в бассейн. Хлорка, эхо, синие блики по потолку. Танюша — всё, уже опять его. Плохая была затея.

А Димочка, видно, глазами меня аж выловил — почти неотрывно смотрел на вход в бассейн. Что он там ей в уши напел?

Подплываю. Вода тёплая, парная, невкусная. Надо же узнать, с кем теперь моя подруга едет домой. А он что-то хвостом крутит, не пойму.

— Саш, Дима признался, что ночевал с тобой, — вот чуть ли не с лучезарной улыбкой сообщает Танечка.

Улыбается. Товарищи, она улыбается. У неё в глазах написано: «он мне доверяет, он мне всё рассказывает, значит, я особенная». Вот как это работает, оказывается. Признался — значит, честный.

И что? Мне теперь что надо сделать?

И тут Димочка шустро подплывает и прихватывает меня

за талию. Вот это номер.

Смотрю на него вопросительно. По яйцам он ещё не получил.

Он приближается к моему уху:

— Таня согласилась втроем, а ты? Я отблагодарю.

Ого. Какие сегодня все благодарные.

Стоп. Это моя подруга. Я не могу. А с какого хрена она согласилась? Нет-нет-нет. Я не могу... Бля, как давно я об этом думала... Нет. Стоп!

Вода плещет между нами, кто-то в соседней дорожке шумно выдыхает на каждом гребке, тётенька в шапочке всё так же плывёт в вечность.

— Если не согласишься — Таню брошу прямо сейчас! — ах ты ж сука, знает, чем шантажировать.

Нет, это она его должна бросить. Вот зараза. Как он меня разводит... Да не в шантаже дело.

Не в шантаже, товарищи. Совсем не в шантаже. И я это понимаю ровно в ту секунду, когда соглашаюсь.

Бля... я согласилась. Предлагаю ехать ко мне — так я хотя бы более-менее контролирую ситуацию. Ему всё равно. Ему у меня понравилось.

Таня садится к нему в машину, он пристраивается за мной. Ну да — а то ещё потеряется.

Всю дорогу вижу в зеркале его фары и два силуэта. Она что-то говорит, поворачивается к нему. Он смотрит на дорогу.

По дороге заказываю что-то перекусить — иначе потом долго ждать. Я не должна была соглашаться. Она моя подруга!

Вы думаете, я на него повелась? Ой... если бы.

Он её, судя по всему, прямо в машине уже подогрел. Щёчки розовые, смущается. Ну да — пора выпить уже. Я — не любитель.

Поели, они выпили, я включила приятную музыку. Свет приглушен, из колонки льётся что-то тихое и бархатное, на столе остатки еды и бокалы. За окном мокрый вечер, стёкла запотели по краям, и город внизу расплылся в жёлтые пятна.

## Глава 4.

Таня держит бокал двумя руками. Она всегда так делает, когда нервничает.

Он встаёт и направляется ко мне. Мол... нет, дорогуша, у меня другой сценарий. Тяну их в спальню и укладываю мой цветочек посередине моей кровати. Хотел двух? Ну так поработать придётся.

Что я делаю? Ну вот что я делаю? Что за зараза такая?

Извините — в подробности вдаваться не буду. Но всё было явно не по его сценарию.

Скажу только одно, и это важно. Я весь этот час занималась не им. Вообще. Я занималась тем, чтобы моей подружке в этой истории было хорошо, а не стыдно. Чтобы она потом вспоминала не унижение, а что-то другое.

Своеобразная у меня забота, согласна. Другой не завезли.

Блин... что он тут разлётся? Бесит. Говорю — мол, родители неожиданно приедут. Вот прямо через полтора часа. У него глазки круглые. У Тани тоже. Она его несмело спрашивает — не подвезёт ли он её домой. Но я это быстро прекращаю:

— Танюш, ну что ты — это разные концы города, ты у меня остаёшься.

Он дико недоволен, что его опять выгоняют, но везти Таню и делать крюк явно не собирался — поэтому в целом да-

же обрадован, что я его от этого избавляю. Хотя уверена: он бы в итоге посадил её на такси.

И вот это она видит. Вот прямо своими глазами, без моих комментариев: как он выдыхает с облегчением.

Она растерянно смотрит, Димочка довольно раздражённо собирается и сваливает. Дверь хлопает — и сразу тише.

Тишина после хлопнувшей двери — вообще отдельное вещество. Плотное такое.

А я ныряю к ней в кровать и обнимаю.

— Хорошо же было? — уточняю. Она смущена. Но я же знаю, что она кончила... так... раз... два... три. Три раза. Дирижёром, уж извините, была я. А не как он хотел.

— Саш, мне так неудобно... — вот теперь она вспоминает о морали и всём таком. Поздновато.

— А у тебя когда родители приезжают? — решает уточнить.

— Я наврала, — честно признаюсь.

— Зачем? — спрашивает. Какая милая. Не дурочка — просто неопытная.

— А на хер он мне тут нужен? Я вообще жалею, что вчера его домой притащила — я обычно своё место проживания не разглашаю, — объяснила я.

Смотрит, моргает, ничего не понимает. Ах, где же ты, Артёмка? Надо его как-то за уши притянуть.

— Кальян хочешь или спать? — уточняю у подружки. Хорошо, что он свалил.

— Мне так неудобно... давай я на такси поеду, — говорит цветочек.

— Нет. Ночью куда-то попрёшься — я буду волноваться, — решительно прекращаю эти поползновения.

— Ну давай покурим, — соглашается она в итоге. Мы время от времени с ней курим кальян. Залезла же эта мидл-ист привычка в строй нашего народа.

Устраиваемся на полу у окна, на подушках. Я выключаю верхний свет, оставляю только приглушенный по периметру. Уголь потрескивает. Дым идёт густой, яблочный.

— Саш, а что теперь будет? — спрашивает, когда мы устраиваемся с трубкой и клубы сладковатого дыма медленно поднимаются к потолку.

— Танюш, моё предложение в силе — пошли его, — честно отвечаю. Потому что дожидаться, пока он её пошлёт — совсем не комильфо.

Она дико растеряна и реально думает «а что же теперь будет». Мир перевернулся. Ну да — в её понимании, да, перевернулся.

Сидит, обхватив колени, смотрит в окно на мокрые огни. И я вдруг понимаю, что она за сегодняшний вечер повзрослела года на три. Не самым приятным способом. Но повзрослела.

— А ты правда думаешь, что я нравлюсь Артёму? — спрашивает.

— Блин, ну конечно! — вот как можно такого парня на

такого козлину променять?

— А что же теперь делать? — несмело так.

— Да что делать — пригласим его завтра в боулинг! — решаю я. На самом деле в таких случаях вообще не важно куда — главное свести и вовремя испариться.

— Заблокируй его пожалуйста, — прошу я Таню. Чтобы опять не сорвалась.

Она берёт телефон. Долго держит. Смотрит на экран.

И блокирует.

Вот сейчас до неё доходит — её принц развёл её на секс с подружкой. Это для неё стало чем-то решающим в понимании его беспринципности.

Перешёлкнуло. Ну наконец-то. Значит — не зря я согласилась.

— Саш, а почему ты согласилась? — спрашивает она. В понимании цветочка — я своим не делюсь. Так он же и не мой.

— Ну... не знаю... трудно объяснить, — да всё я знаю, только признаваться не буду.

Думаете, из-за «отблагодарю»? Нет. Думаете, это мой способ заработка? Тоже нет. Просто я не отказываюсь, когда предлагают. А что отказываться? По-моему — глупо.

Ну и ещё кое-что, о чём я ей никогда не скажу: я хотела, чтобы это случилось при мне. Потому что если бы она согласилась без меня — с ним и с кем-то ещё, — то дальше была бы уже совсем другая история, и я бы её оттуда доставала по

кускам. Насмотрелась.

Чем я вообще занимаюсь? Ну, если честно. Промышленный шпионаж называется. И в этом деле лучше маскироваться под содержанку, эскортницу — ну или что-то в этом роде. Меньше подозрений. А от денег то зачем отказываться?

Как обычно всё гладенько проходит, когда все думают, что пришла такая вот дурочка-протеже какого-то папика. Великолепно. Плюс я нахожу терпилу, который потом долго и нудно доказывает, что это не он.

Короче — цветочку я накапала валерьяночки, чтобы мы хорошо поспали. А почему бы и не в моей кровати? Ладно, это опустим.

Спала она, кстати, как убитая. Первый раз за месяц, наверное. Я это поняла утром по лицу — с него сошла та серая штука, которая появляется от бессонницы и от вранья.

Поздно позавтракали, и я набрала Артёму. Сразу обозначила, что мы с Танечкой собираемся в боулинг, компании у нас нет, скучно, давненько не виделись — как было бы приятно встретиться! В общем, несмотря на мой длинный пассаж, согласен он был уже на первой фразе.

Пришли в боулинг, я для приличия сыграла одну игру, потом мне, конечно, кто-то позвонил и мне срочно надо было уехать.

Боулинг был из хороших: полумрак, дорожки светятся, где-то бухает музыка, кегли падают с этим их фирменным деревянным грохотом. Танюша сначала стеснялась, а на тре-

тьем броске уже смеялась в голос. Артём смотрел на неё так, как надо смотреть. Не на меня — вот что ценно.

Уходила я, честно скажу, в очень приличном настроении. Вообще Артём — очень перспективный парень. Про таких говорят «далеко пойдёт». Сейчас студент с подработкой, но уже через годик, а тем более два — совсем другая история прорисуется. Такие идут поступательно, но уверенно. И мне такие знакомства очень нужны. Самое выгодное — начать знакомство с человеком, когда он ещё никто. Он хорошо запомнит, что ты его оценил раньше других.

## Глава 5.

Это, товарищи, вообще главное правило моей профессии. Дружить надо не с теми, кто уже наверху. Наверху ты один из очереди. Дружить надо с теми, кто будет наверху через три года, — тогда ты у него в списке первый, и стоишь ты ему при этом одну чашку кофе.

У меня глаз наметан — там без вариантов всё будет хорошо. А может и я чем помогу.

Ах, что же делать с вечером воскресенья? Может, наконец просто отдохнуть? На том и порешила, направившись домой.

Приехала. Разулась. Постояла посреди квартиры.

Да — было бы разумно посетить пару клубов. Ну, может, потом соберусь. Я там не тусуюсь — я там работаю. Это знакомства. Хожу только в определённые.

Мужики, думая, что я только ноги хорошо раздвигаю, быстро расслабляются. И вы даже не представляете, сколько они могут рассказать в таком расслабленном состоянии — сольют всё и даже не заметят. Ну да, я же кукла — чего я там понимаю и что я запомню?

А я зараза такая — всё помню. Абсолютно всё. Мне даже диктофон не нужен.

Фамилии, суммы, даты, кто с кем и через кого. Кто кому должен и кто кого боится. Всё это лежит у меня в голове аккуратно, как в картотеке, и ничего оттуда не пропадает. Ино-

гда я думаю, что это единственное, что во мне по-настоящему уникально. Остальное — навыки, их можно натренировать.

Ох, ну не могу я потерять ночь воскресенья — намечается ещё одна вечеринка, совсем закрытая. Точно время не потеряю.

Делаю из себя элегантную секси — и вперёд. Как я выгляжу? Хорошо выгляжу, и бабла в это «хорошо» вкладываю много. Но это не филлеры и не ботокс, товарищи — я молодая женщина, даже девушка. Мне этого дерьма пока не надо.

Час двадцать перед зеркалом. Платье, которое стоит как чья-то машина, но выглядит просто чёрным. Волосы — мокрая укладка, как будто «я так проснулась». Духи — те самые, стойкие. Из украшений одна вещь, но такая, что понимающий человек всё про меня поймёт, а непонимающий не заметит вообще.

Вечеринка была в особняке за городом. Гардероб, охрана с планшетом, шампанское на входе, живой рояль в углу и человек сорок, из которых половина решает в стране примерно всё.

Ого... Лилия Петровна собственной персоной.

Кто такая Лилия Петровна? Ой май год — это жена одного весьма часто шляющегося олигарха, ну или — как их там — очень богатого человека. Но она не просто жена — он её слушает по многим вопросам. Я это точно знаю. Мы к его активам давно подбирались, но я его для профилактики пару

раз послала — чтобы не расслаблялся. Суммы каждый раз увеличивались.

Но я — типа неприступная. И вот эта яркая, красиво покрашенная блондинка как-то подозрительно ведёт меня куда-то за отдельный столик.

Ведёт уверенно, за локоть, как ведут в своём доме. Здесь всё её. И она это знает.

Ой. А что? Я же вроде с ним не спала — волосы мои должны остаться в целости.

Что-то? А... мне же намекали, что они последнее время устраивают тройнячки с девочками. Ну типа — изменяет, но под присмотром. При жене всё. Без баловства. А то ишь ты.

И вот она мне так вот приватненько намекает, что было бы хорошо...

Мы сели в углу, за колонной, где свет не достаёт. Она поставила бокал, повернулась вполоборота и сложила руки на коленях. Осанка идеальная. Такую ставят годами.

— Александра, — это она ко мне так помпезно, — я понимаю, что моё предложение может показаться слишком неприличным, но мой муж уже давно хотел бы с вами... скажем так, оказаться наедине.

Ну я-то в курсе. Можно без прелюдий?

— Лилия Петровна, а можно осведомиться — вам это зачем?

Вот тут она первый раз посмотрела мне в глаза по-настоящему.

— Если кратко — мой муж встречается с девушками в моём присутствии, — блин, только бы не расплыться в чеширскую улыбку. Ну нельзя же так сразу соглашаться.

— То есть втроём? — чётко формулирую уже идею, видимо, сегодняшней ночи.

— А я вижу, вы девушка опытная... — она немного удивлена. Ну я же его дважды отшила.

— То есть мы будем втроём? — я слегка наклоняюсь к ней. Зараза — всё круто, и парфюм подобран идеально. Лёгкий, чуть цветочный, с древесной подложкой — такой носят женщины, которые точно знают себе цену.

И руки ухоженные, но не молодящиеся: она их не прячет и колец не нагружает. Одно кольцо, зато такое, что за него можно купить квартиру в приличном районе. Умная женщина. Умные меня всегда немножко заводят — что поделать.

— Скажем так — я буду присутствовать, — уточняет она. Ну блин, со мной — и только присутствовать! Ох, заблуждаешься, Лилечка.

— Неожидаанное предложение, — сейчас я откидываюсь назад и смотрю на неё так... что она смущается.

Секунды три. Ровно три секунды — и у неё дрогнули ресницы, и она перевела взгляд на бокал. Всё, Лилечка. Я тебя увидела. Ты, между прочим, сама себя ещё нет.

Жду — она же теперь будет озвучивать сумму. Хотя мне всё равно. Мне надо попасть к ним в дом. Конечно, я не рискну там что-то делать вот прямо сейчас — спялят тут же. Но

там будет видно, как всё пойдёт.

Мне нужны три вещи: планировка, расположение камер и понимание, где стоит его рабочая машина. Всё остальное — вопрос второго или третьего визита.

Ну всё — договорились. Я приеду на своей уже к ним. Она была удивлена, что я на машине. В таких местах порой надираются до серьёзно невменяемого состояния. Но я не очень-то это люблю. Трезвая вечно.

Трезвость, товарищи, вообще моё главное конкурентное преимущество. Все вокруг плывут, а ты сидишь с бокалом, в котором с восьми вечера одно и то же, и запоминаешь.

Ничего так домишко у них. Подходящий.

Три этажа, светлый камень, подсветка по периметру, газон подстрижен так, будто его расчёсывают. Ворота с камерой, вторая камера над крыльцом, третья — я специально глянула, поправляя волосы, — под козырьком у гаража на четыре машины. Внутри мрамор, лестница полукругом, картины, которые покупали не глазами, а через консультанта.

Охраны немало — следят. Так просто по дому не пошляешься.

Один в холле, один у монитора в комнатке под лестницей, и ещё кто-то ходит снаружи — я слышала шаги по гравию.

Ой, блин, Лилечка... Было весело. Дошло до того, что он у нас изображал собачку — мы его гладили и всё такое прочее... Ой, блин, разошлась я что-то.

Лилечка, конечно, не ожидала таких оргазмов. И он, кста-

ти, тоже! И ему на самом деле всё понравилось — особенно собственная жена.

Вот это, между прочим, был мой основной фокус за вечер. Я весь этот цирк развернула так, чтобы главным событием ночи для него оказалась не я, а она. Своя. Домашняя. Которую он двадцать лет как перестал разглядывать.

## Глава 6.

Как приятно, когда человеку нравится его жена! А чего тогда шляется? Ну типа — все шляются. А я что — рыжий? Вот же стадные животные эти мужики.

Ну да... Мне кое-что надо доделать, а потом я научу, как ему мозги вправить.

Вообще потом всем стало как-то неловко. Вот эта неловкость через час после — она у людей всегда одинаковая, хоть в общаге, хоть в особняке за два миллиарда. Все вдруг начинают очень вежливо разговаривать и старательно смотреть друг другу в переносицу.

Мне кстати предложили остаться на завтрак — чем я и воспользовалась. Лилечка провела со мной обстоятельную беседу, которая почему-то нечаянно затянулась — ну да ладно — на тему строжайшей конфиденциальности. За чашкой кофе, в просторной кухне с высокими потолками и тихим гудением холодильника.

Кухня, кстати, была из тех, где не готовят. Идеальная, пустая, остров посередине, ни одной крошки. Утренний свет ложился на камень столешницы длинной полосой, где-то в глубине дома пылесосила домработница, и Лилечка сидела напротив меня в шёлковом халате и без макияжа.

Без макияжа она мне понравилась даже больше. И вот это, товарищи, был первый звоночек, что я тут немножко не толь-

ко по работе.

Ну да, я не по этому вопросу. Хотя почему нет? Шантаж тоже бывает используем. Просто это экстренный метод. А вообще идея — чтобы никто ни о чём не догадался.

Заодно я, пока шла в уборную, сделала маленький крюк. Восемнадцать шагов направо, дверь, ещё дверь. Кабинет. Дверь закрыта, но не заперта — я аккуратно проверила ручку и не стала входить. Просто отметила. Как отмечают запасной выход в незнакомом здании: не потому что горит, а потому что когда-нибудь загорится.

Как хорошо, когда понедельник можно провести, просто слоняясь по квартире. У меня дела есть всегда, но нынче почти всё онлайн, да и дела мои они всё чаще в компе. Информацию пособирать, вытащить то, что другие не могут. И программки соответствующие имеются. На хакера я не тяну, но кое-что умею.

Дождь идёт с утра, окно в разводах, чайник кипел уже три раза, а я так и хожу по квартире в носках и в футболке. Это, если хотите знать, лучшие часы в моей жизни. Никого нет. Ничего не надо изображать. Лицо своё.

Позвонила Танюше — убедиться, что с Артёмом всё ок. Всё, конечно, было ок. Он уж не стал упускать свой шанс. Она, конечно, смущалась — ах, ну как же, в первый день — но видно он её приятно удивил. Не то что эта эгоистичная свинья.

Голос у неё был другой. Вот честно — другой. Такой, зна-

ете, с воздухом внутри.

Подробности она мне рассказывать не стала — типа стесняется. Ну ладно — потом спрошу. Что мне те подробности? Чего я там могу не знать, спрашивается.

Дело было к вечеру, делать было нечего. За окном рано стемнело, дождь перешёл в морось, по стеклу поползли фониари.

А чего мне переживать — телек всегда со мной, да и ноут — главное развлечение. Дела всегда найдутся.

Что-то я вспомнила про одного хорошего знакомого — мальчик-зайчик. Балую я его иногда сексом со мной великолепной — просто мальчик хоть вроде и простой, но постоянно ошивается в мажорских тусовках, и мажорчики его прямо как родного любят. Он им девок разводит на раз, если надо. А мне он зачем? Ну как же — вся самая свежая информация о самой что ни на есть золотой молодёжи!

Это вам не хухры-мухры — это из первых рук, в подробностях, и если бы я была журналистом — то, что ни разговор с моим зайчиком, так прямо бомба! Чудят, знаете ли, мажорчики, неплохо. В общем и целом, мне лично никакого интереса, но собираю — может и пригодится. Папашку кого прижать. Чтоб не сильно там пиликал. Или подписал что надо. Разные могут быть варианты.

Что-то я про него вспомнила — а что? Вроде недавно общались, я как-то не совсем в силах переваривать такое количество хрени так часто.

И вот тут, товарищи, надо сказать одну вещь честно. Я тогда ещё не знала, что это такое — эта моя манера ни с того ни с сего вспомнить про человека. Я думала, случайность. Настроение. Скука.

Это была не скука.

Ну ладно — вспомнила, из головы не выходит, звякну, спрошу, как чувствует себя мой зайчик — не захворал ли.

— Зая, ты как? — это я с ним так общаюсь. Не поймите превратно — он не по той части.

— Саш, Саша, — голос дрожит, пиздец — что случилось?

Он даже имя выговорить нормально не может. Два раза подряд — как будто цепляется.

— Зая, что случилось? — направляю разговор в более осмысленное русло.

— Саш, пиздец полный, понимаешь, пиздец, — зая мой в нешуточной истерике.

Слышу, что он на улице. Ветер в микрофон, машины. И зубы стучат — вот эта дробь ни с чем не путается.

— Зай, успокойся, водички попей, я сейчас приеду, — предлагаю я. Не могу же не выяснить, в чём дело.

Начинаю одеваться, но не отключаюсь. Джинсы, свитер, кроссовки, ключи. Всё это на ходу, зажав телефон плечом, и внутри уже включился тот самый холодный тумблер, после которого руки перестают дрожать у меня и начинают у всех остальных.

— Что случилось, Расскажи мне, — тихонечко говорю,

чтобы не спугнуть.

— Они её бросили, понимаешь, в лесу бросили, — рыдает.

Пиздец.

Сентябрь. Ночь. Ну вроде не так холодно, но все равно ...

Задаю логичный вопрос:

— Какое шоссе, какой километр? И кого? — одеваюсь уже ускоренно и вылетаю из квартиры. Макияж? Да хер с ним.

— Надю! — рыдает опять. Ну пардон — всех девушек, что они там трахают, я уж не упомню.

— У Надюши фамилия имеется? — ласково так спрашиваю.

Ласково — это тоже техника. На истеричного человека нельзя орать. На истеричного человека надо говорить голосом, которым разговаривают с испуганной собакой.

— Ивина, Ивина, однокурсница моя, — опять рыдает.

— Зая, сосредоточься, какое шоссе? Где вы были? — подвожу хоть к какой-то отправной точке.

— Ну на даче у Димона, как обычно, — о, да, знаем мы этого заядлого любителя менять девушек и предоставлять свою дачку под всякие оргии. Домишко там нехилый такой.

Так, поняла — Каширка.

Лифт. Парковка. Машина. Двигатель. Дворники.

— Зай, вы в сторону Москвы или наоборот поехали? — ну как-то надо выяснять, куда наряд посылать.

— Наоборот, — рыдает, не успокаивается.

— Какой километр?

— Я не помню! — кричит.

А я уже в машине и еду на Каширку. Правда не знаю — буду ли я там первой или всё-таки ребята успеют.

Вылетаю на трассу. Фуры, брызги из-под колёс, мокрый асфальт в оранжевых полосах от фонарей. Стрелка ползёт вправо и не собирается останавливаться.

— Кто ещё кроме Димона был? — задаю логичный вопрос, потому что он уже сказал «они», а не «мы».

## Глава 7.

— Да я же не знал, вернее Димон тоже не знал — мы хотели втроём, ну как обычно, всё нормально бы тогда было, — рыдает снова.

«Всё нормально бы тогда было». Запомните эту формулировку, товарищи. Мы к ней ещё вернёмся.

— Зая, давай вспоминай, какие были надписи, — толкаю его на более предметный разговор.

— На Лужники свернули, — вспомнил он.

— До Лужников доехали?

— Нет, не доехали! — так, зона поиска уже сильно сузилась.

— Как далеко от дороги? — задаю предметный вопрос.

— Недалеко, совсем недалеко — она может даже выйдет на дорогу сама, но она же под таблетками! — зая, кстати, зовут Лёша.

Под таблетками. В лесу. Почти ночь.

Я прибавила ещё.

— Под какими таблетками? — уточняю.

— Я не знаю, эти мудаки принесли с собой. Мы должны были быть с Димоном только — Вадик этот позвонил, что им делать нечего, а Димон похвастался, что у нас тут новенькая, классенькая.

Похвастался. Человеком. Как машиной.

— И с кем Вадик приехал? — надо же уточнить всех фигурантов дела.

— Ну с этим своим, вечно он с ним — с Гошей, мать его, сука ебнутая, — так красноречиво Лёшенька охарактеризовал своих теперешних подельников.

— То есть Гоша ударил Надю? — решила перейти к подробностям телесных повреждений.

— Нет, не ударил, хуже, — блять, блять — зая бился в истерике.

Хуже. Он сказал «хуже».

У меня внутри что-то очень медленно и очень спокойно село на низкий старт.

— Так, по голове кто-то ударял? — уточняю. Надо понимать, какие есть повреждения. Ну кроме износа. Делаю над собой гигантские усилия, чтобы не наорать на него — испугается, отключится, а мы ещё не всё выяснили.

— Да нет! Они её на кровать сразу отнесли, у Димона же кровать зачётная, там мягкое всё.

Мягкое всё. Спасибо, зая. Очень утешительная деталь.

— Блять, ну на нас с Димоном я бы её точно уломал. Всё бы нормально было. А четверо — ну перебор, ну блять, Саш, перебор, — это он мне пытается объяснить?!

Вот здесь я на секунду закрыла глаза. На скорости сто сорок. Одну секунду.

— Она сопротивлялась? — на всякий случай уточняю.

— Ну конечно, блять, она же испугалась — они уже на-

качанные чем-то приехали и стали ей сразу всякую херню говорить, прям сразу, как они её отымеют! Ну суки конченные! Всё испортили! — вот ведь как — испортили им всё.

Испортили. Вечер испортили. Настроение.

Всех фигурантов дела я отлично знала — с заей давно общаюсь. Но на душе светло от этого не становилось. Папочка одного круче другого. Пиздец называется.

— Что Гоша сделал? — стало понятно, что именно он что-то и сделал такое, что привело к тому, что они решили оставить её одну в лесу.

— Сука, он стал ей бутылку вставлять — говорил, мол, мечта у него такая была, ничего страшного, если она дёргаться не будет! — опять рыдает.

— И далеко вставил? — пытаюсь понять, насколько всё плохо.

— Да не далеко, не в этом дело — она треснула, горлышко там осталось! — вот это уже конкретный пиздец.

— И как она треснула? — ну знаете, на самом деле это не так уж и легко бутылку голыми руками сломать.

— Да я пытался их оттащить, а он как-то упал прямо на неё — он же, сука, обдолбанный, — объяснил мне Лёшенька. Ебать. Спокойно.

Спокойно, Саша. Руки на руле, дыхание ровное. Сейчас ты не имеешь права ни на одну лишнюю эмоцию, потому что от твоей головы зависит, доживёт ли до утра человек, которого ты в глаза не видела.

— Крови много было?

— Она испугалась, они ей сказали не двигаться, стали таблетки совать, чтобы она ничего не чувствовала, — продолжил свой рассказ зая.

— А мы вытащить не можем! — опять рыдает.

— Кровь была? — опять возвращаю его к фактам.

— Потом была, немного — она от таблеток отключилась.

Вот чудеса. Как-то хоть это и сказать язык не поворачивается, но удачно он эту бутылку сломал, что ли?

Если бы она дёргалась — было бы кровотечение, которого в лесу не остановишь. А она не дёргалась, потому что была без сознания. Логика мироздания, товарищи. Иногда она такая, что лучше в неё не вглядываться.

— А почему было не отвезти её в больницу? — уточняю. Ну так — чисто для интереса.

— Как — они испугались, что их привлекут! — «разъяснял» мне ситуацию Лёшенька.

— Ладно, зай, повиси, не отключайся. У меня другая линия.

Надо подумать, кому позвонить. Точно — Сане. Ну да, тёзка. Оперативник. Держим крестик, чтобы поднял трубочку.

Гудок. Второй. Третий. Мимо проносится фура, машину ощутимо ведёт волной воздуха.

Ура — поднял!

— Сань, такое дело: мажорчики девочку изнасиловали, в

лесу бросили, по Каширке, не доезжая Лужников, накачали таблетками, у неё часть бутылки внутри, — сразу вывалила на него всё.

— Суки. Кто? — сразу отреагировал.

Вот за это я его и ценю. Ни «откуда ты знаешь», ни «а ты уверена», ни «а тебе это зачем». Первый вопрос по существу.

— Сань, оно тебе не надо — погоня дороже. Ты там скорую организуй и найдите её, я еду, но я далеко ещё, — дала я ценные указания, которые он и без меня мог бы выполнить.

— Откуда информация? — Саня всегда только конкретные вопросы задаёт.

— Тебе оно тоже не надо — говорю же, там папочки чересчур крутые, кинутся отмазывать, ещё виноватым будешь, — объяснила я ситуацию.

— Так может она и заявку напишет, — бодро ответил Саня.

Бодро, товарищи. Он это сказал бодро. Восемь лет в органах — и всё ещё бодро.

— Да лучше пусть не пишет — я сама с ними разберусь. Пошли наряд, а то ещё от таблеточек этих уснёт слишком глубоко, — насколько я поняла, это и была основная опасность.

— Саш, если напишет — я приму, — жёстко ответил Саня.

— Сань, ну что я тебе объяснять буду — как примешь, так и закроешь. Что, не знаешь, как оно бывает? Поэтому я и еду, — объяснила я. Отлично знала я все такие истории.

Ещё её виноватой сделают.

Я их штук пять таких видела вблизи. Ни одна не дошла до суда. Зато у двух девочек потом были очень интересные диагнозы, а у одной — очень интересные похороны, на которых все говорили про «трудный характер».

— Ладно, Саш, отключаюсь — всё сделаю сейчас, — уже чуть мягче сказал Саня.

Я переключилась обратно на заю.

— Зай, слушай, я лучше к Наде твоей подъеду — так лучше будет, — стала объяснять ему.

— Саш, Саша, ты её отвезёшь в больницу? Да? — с надеждой в голосе стал просить он. Зая понятия не имел про мои знакомства в правоохранительных органах.

— Ну конечно, зай, всё хорошо будет, — заверила его я. С чего я взяла? Да ни с чего — просто сказала.

Люди в панике держатся за интонацию, а не за смысл. Скажи уверенно любую ерунду — и человек выдохнет. Проверено сотню раз.

## Глава 8.

Блин, какие же пробки — хер я быстрее Сани приеду.

Впереди стоп-сигналы до горизонта, красная река в три полосы, и всё это не движется вообще. Дождь усилился, дворники на полную. Я барабаню пальцами по рулю и считаю до десяти. Потом ещё раз до десяти.

Только бы передоза не было.

Уже через сорок минут перезвонил Саня:

— Всё, нашли девчонку. Как зовут — знаешь? Она в таком полусознании, но ничего не соображает пока, — объяснил он.

Выдохнула. Вот прямо физически — как будто кто-то разжал кулак у меня под рёбрами.

— Надежда Ивина, студентка четвёртого курса филологического факультета МГУ, — я же знала, где зая учится. На филолога — язык у него феноменально подвешен.

— Вытащили? — задала я неудобный вопрос.

— Я сказал всё — повезли, сделают, — понизив тон, сказал Саня. Да, ничего приятного.

— В какую повезли?

— В 85-ю, — коротко ответил Саня.

— Ну тогда я туда, — сказала я.

— Ну там увидимся, — как-то неоднозначно говорит.

— Сань, я ж тебе сказала — не лезь лучше, потяни вре-

мя, — опять напомнила я ему про серьёзность папочек сих деточек.

— Увидимся, — и положил трубку.

Блин, может, не надо было его впутывать. Принципиальный же блять. А так получается — я его подставила. Но не было ближе никого. Да и что — у меня в каждом отделении оперативники знакомые, что ли? А я боялась, что не успею — мало ли чем они её накачали, мало ли что он мне ещё не сказал.

Ох, думай, Саша, думай — чтобы и волки сыты, и овцы целы.

Волки в данном случае — это Саня с его погонами и его принципами. Овца — девочка, которую я пока даже не видела. А между ними — двое папочек, каждый из которых умеет решать вопросы так, что потом никто и не вспомнит, что был какой-то вопрос.

Ну ладно — начнём с разговора с Надюшей. От этого и будем плясать. А кто сказал, что Саня первым до неё не доберётся? Надо поддать газку.

Моя неприлично красная бэшка паркуется у отделения скорой — капот поблёскивает под фонарями стоянки, привлекая внимание даже в столь поздний час. Она у меня для более практичных задач, нежели Ауди ТТ. Хотя такие часы — возможно самые напряжённые в скорой помощи.

Двор приёмного покоя в час ночи — отдельный жанр. Мокрый асфальт, две скорые с открытыми дверями, синие

отсветы на стенах, курит санитар под козырьком, где-то в глубине кто-то громко и монотонно матерится. И этот больничный воздух — смесь дезинфекции, мокрой одежды и чужой беды.

Залетаю ненакрашенная — так даже лучше. А то ещё обозлятся на слишком привлекательный вид.

— Подругу мою, Надю Ивину, привезли? — тут же спрашиваю, чтобы сбить с толку и побыстрее до неё добраться. Ну как бы не родственник — и что?

— Осматривают, но вроде ничего — в себя уже стала приходить, — сразу как-то так «отчитались» мне в приёмной.

Если честно — у меня ещё есть кое-какие техники, чтобы люди не оказывали сопротивления. Ничего волшебного, если что. Взгляд, темп речи, дыхание в такт собеседнику и одна очень простая вещь: ты просто ведёшь себя так, как будто по-другому и быть не может. Люди в девяноста случаях из ста подстраиваются.

Заламываюсь прямо туда — вроде никакого криминала, уже там кровь берут, давление меряют — такое всё общее.

Смотровая, яркий верхний свет, ширма, каталка, аппарат пищит. На стуле в углу мокрым комом лежит её куртка.

Блин — а зашивать будут?

Поймала прямой контакт с врачом — важно, чтобы не выгнал. Дан — реагирует спокойно, как будто так и должно быть, как будто я вообще персонал.

— Надюш, как ты? Мне Лёша позвонил, — блять... как

она сейчас отреагирует?

Взгляд уже почти нормальный. Смотрит на меня, минуту переваривает, потом так стеснительно, стыдливо слегка улыбается:

— Лёша позвонил?

Улыбается. Ей девятнадцать лет, она полтора часа назад лежала в лесу, а она улыбается, потому что ей передали, что Лёша звонил.

Ого, а Лёшик-то хорошо поработал. Она что, влюбилась?

— Да, он скоро подъедет — ты же хочешь его видеть? —  
иду уже совсем ва-банк. Но по её первой реакции вижу —  
хочет. Пипец.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.